

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Экран и сцена (чл. к Сов. культуре). - 1990. - 22 марта (№12). - С. 5

«...Легендарно относимое к IX веку...»

возникли — в Москву во МХАТ на Тверском

Но не это, конечно, главное. Так получилось, что на протяжении десяти лет на должности худрука районного театра последовательно сменялись: Яап Тооминг, поставивший в «Угала» нашумевшие спектакли «Народная война» по Эд. Вильде и «Кихну Пынь» Ю. Смуула; театральный критик Яак Аллик, ныне известный в республике политический деятель; наконец, Калью Комиссаров. О нем нужно говорить особо. Ибо именно он является автором и главным действующим лицом весьма своеобразного парадокса в развитии эстонского театра.

В республике Комиссаров почти добрых два де-

сятка лет известен был прежде всего как режиссер жесткого политического театра. Ушел в область воспоминаний «Процесс» Э. Манна, который он поставил в Молодежном театре, но до сих пор не сходят со сцены Вильяндского театра его «Братья Лахтензак», «И дольше века длится день» — спектакли, политический градус которых необычайно высок. Пришли иные времена — под знамена политической смелости едва ли не объявлена тотальная мобилизация. Казалось, в этой атмосфере Комиссарову сам Бог велел... А он вдруг занялся классикой. Поставил чеховские «Три сестры», Беккета, Ж. Ануя, теперь вот — Шекспира.

«Король Лир». Время действия — «легендарно относимое к IX веку до нашей эры» (из ремарки в переводе Б. Пастернака). Казалось, что интерес политического режиссера к пьесе обусловлен чисто политическими же причинами: король разделяет страну, выделяет самостоятельные государства — что уж может сильнее рифмоваться с нынешней ситуацией в Прибалтике! Но режиссер прошел мимо поверхностных сюжетных ассоциаций. Его заинтересовала другая тема. Судьба, востительность которой сильнее власти человека. Звезды, управляющие судьбами людей, — в финале спектакля театральное небо вспыхивает знаками Зодиака. Вместе с художником Я. Ваусом — верным соратником по всем постановкам последних лет — К. Комиссаров сочинил и Колесо Судьбы, которое возносит героев и свертгает их. Колесо, обремененное кровью, на ободке которого происходит главные события спектакля...

Признаюсь честно: эта сконструированная на базе поворотного круга метафора не привлекла меня в восторг своей прямолинейностью. Но вместе с тем нужно знать сегодняшний

общеполитический контекст, в котором развивается эстонский театр, — контекст, обусловленный тем, что сейчас каждый зритель республики (и зритель «Угала») чувствует себя демиургом, — чтобы понять, насколько не тривиален и художнически смел выбор Судьбы на роль субъекта, главной действующей силы спектакля. Рейн Мالمстен, играющий Лира, — актер сильного дарования, героического амплуа и мощной фактуры. И тем страшнее фигура сломленного старца, потерпевшего поражение в борьбе с предопределенностью.

И как бы контрапунктом к теме Рока звучит песенка — неизбывная мечта Шута (А. Лепик) о справедливом государстве, где «станет общей модой ходить погами в эти годы» — с нее начинается и ею заканчивается спектакль.

Семьдесят лет живет театр «Угала» — развивается, не утрачивая своего творческого лица и храня высокую культуру. И это тоже факт эстонского искусства.

Марина
ОЧАКОВСКАЯ.

● Сцена из спектакля
«Король Лир».

Фото Э. Велисте.